

На следующее утро я проснулась первой.

Сиори-сан спала, обняв летнее одеяло, и в этой позе она казалась такой по-детски милой. Но, украдкой взглянув на её спящее лицо, я тут же пожалела об этом.

Я и раньше замечала, что она обладает особой притягательностью, но неужели она всегда была настолько обворожительной? Убедившись, что она крепко спит и ничто не мешает, я попыталась разобраться, в чём же секрет, и стала внимательно её разглядывать. От её чарующей ауры буквально перехватывало дыхание.

Разве спящие лица не должны выглядеть более детскими и беззащитными? Ну, беззащитность здесь определённо присутствовала, но эта самая беззащитность лишь подчёркивала её очарование. Поразительно, как при такой сильной чувственности в ней совершенно не было ничего вульгарного — это настоящий талант.

— ...Это зрелище опасно для глаз, — прошептала я.

Хотя главный символ её соблазна — пышная грудь — был скрыт одеялом, которое она прижимала к себе, её аура непреодолимого обаяния никуда не делась. Волосы, прилипшие от пота ко лбу и шее, брови, слегка сведенные капризной дугой, будто от жары, фарфоровые веки, сквозь которые, кажется, просвечивают сосуды, и... её пухлые, сочные губы.

Внезапно я осознала, что застыла, пристально глядя на них, и, хотя вокруг никого не было, смущённо отвела взгляд.

Прошлой ночью эти мягкие на вид губы были так близко. Если бы что-то сложилось иначе, возможно, наши губы встретились бы. От одной этой мысли сохранять спокойствие стало совершенно невозможно.

Какими же они на ощупь? Я не говорю, что хочу их поцеловать, но, может, она разрешит мне просто легонько тронуть их пальцем? Прикоснуться к этим губам, которые словно сошли с рекламы помады под слоганом «Губы, которые хочется целовать»... Нет-нет, о чём это я! Я прямо как какая-то извращенка!

— Фух, пойду-ка умоюсь...

Признание Томоды-семпай и эта магнетическая притягательность Сиори-сан заставляли мои мысли уноситься в совершенно неподобающую сторону. Если я продолжу на неё смотреть, этот поток станет только стремительнее.

Чтобы немного «перезагрузить» голову, я тихо выбралась из комнаты и направилась вниз, в уборную.

— А, доброе утро. Раненько ты.

— Доброе утро.

Спустившись по лестнице, я увидела, что родители Сиори-сан уже проснулись и были на ногах.

— Сиори ещё спит?

— Да, очень крепко.

— Ну надо же, а у неё в гостях Сара-тян. Прости её, пожалуйста.

Умывшись, я осталась на первом этаже, чтобы позавтракать с родителями Сиори. После того как её отец ушёл на работу, я помогла маме убрать со стола, болтая о том о сём.

«Только Сиори не говори», — с озорной улыбкой сказала она и принялась рассказывать истории из детства Сиори. Но вот истории о том, как та, увидев замок в тематическом парке, заявила «Хочу тут жить!», а потом разрыдалась, едва попав внутрь на аттракцион, — точно ли мне стоит такое знать?

И ещё одна вещь. После особого напутствия, что это «совершенно секретно», она рассказала, что Сиори-сан до сих пор очень усердно занимается по учебникам для первого года обучения. «Должно быть, она очень хочет произвести на тебя хорошее впечатление», — добавила она, приложив палец к губам.

Что это вообще такое? До чего же трепетно она ко мне относится.

Я вспомнила обычное, ничем не примечательное выражение лица Сиори-сан, когда она помогает мне с учёбой, и почувствовала, как у меня слегка нагреваются глаза. Это нечестно. Хотя я и сама не совсем понимаю, что именно в этом нечестного.

— Я так рада, что такая девочка, как ты, Сара-тян, подружилась с нашей Сиори.

— Что вы, нет... Это я всегда только и делаю, что пользуюсь добротой Сиори-сан.

— Самое главное именно в том, что она сама хочет о тебе заботиться, значит, ты для неё очень важна. Благодаря тебе она стала гораздо мягче.

Конечно, она так говорит, но Сиори-сан с самой нашей первой встречи была доброй и отзывчивой, вполне себе мягкой. Или, выходит, раньше она была другой?

Кстати, о мягкости... Тело Сиори-сан прошлой ночью тоже было очень мягким... ТьФУ, не о том!

— При ней такие разговоры не заведешь, так что она вовремя проспала. Как бы там ни сложилось, пожалуйста, оставайся с нашей Сиори подружкой и дальше.

— Конечно.

Я тут же ответила «да» на слова мамы Сиори, но почувствовала некий намёк в её фразе «как бы там ни сложилось». Я подняла на неё взгляд, но она лишь загадочно улыбнулась своей взрослой улыбкой, уходя от ответа.

— Возможно, эта женщина видит между мной и Сиори-сан нечто иное, отличное от наших нынешних отношений.

Я сама пока ничего такого не различаю. Но, чем бы это ни было, я надеюсь, что нам обеим в этом будет хорошо.

□ □ □ □

Для меня Сиори-сан всегда была доброй и надёжной старшей сестрой. Можно сказать, что и сейчас всё так же.

Однако в стенах этого дома Сиори-сан казалась немного более расслабленной, более естественной, похожей на милую девочку, подходящую своему возрасту. Я не думаю, что её обычное поведение — это маска, но, вероятно, вот эта её сторона и есть самая что ни на есть настоящая.

Она явно не привыкла к комплиментам о своей милости. Каждый раз, когда я хвалила её, она застенчиво краснела и пыталась спрятать лицо, что было до невозможности очаровательно. Мне так нравилось видеть её такой, что я снова и снова повторяла «какая ты милая», просто чтобы смутить её.

Но её такая сильная застенчивость — это лишь от непривычки? Или, может, потому что она обо мне волнуется?

А её неизменная доброта ко мне — это потому что я ей нравлюсь?

Подозрение, что Сиори-сан может испытывать ко мне нечто большее, всё ещё витает в воздухе. Я не могу прямо спросить её об этом в лоб, да и вряд ли она признается, даже если я спрошу, поэтому вопрос повис в неопределённости.

Но мне не давало покоя любопытство, поэтому, когда вечером мы обсуждали ситуацию с Томода-семпай, я набралась смелости и спросила:

— Скажи, Сиори-сан, а что ты думаешь о любви между девушками?

Хотя я задала этот вопрос с бьющимся как молот сердцем, в ответ услышала лишь нейтральное: «Если чувства взаимны, то я не вижу в этом ничего плохого». Что ж, да, конечно. А чего я вообще ожидала? Понятно, что по такому уклончивому вопросу невозможно понять её истинные чувства.

Я уже было расстроилась, как вдруг она спросила в ответ: «А ты что думаешь, Сара?» Я рефлексивно ответила: «Не знаю», и она тихо рассмеялась, её хрупкие плечики слегка вздрогнули.

— Когда речь о других, я думаю, что каждый волен любить, кого хочет. Но стоит примерить это на себя, как всё сразу становится непонятно.

Я даже в любви между мужчиной и женщиной не особо разбираюсь, так откуда мне знать про отношения между девушками, если у меня перед глазами нет ни одного примера? Хотя... знать мне этого, пожалуй, хочется.

В конце концов, чем любовь между девушками отличается от дружбы? Где та грань, где начинается любовь? Это когда хочется интимной близости? Но ведь полно людей, кто стремится к этому и без всякой любви.

— ...Например, представь, что я влюбилась в тебя, Сиори-сан.

—Что?!

—А-а, я сказала «например»! Это же просто гипотетически!

—Д-да, конечно... гипотетически! Именно!

Я не могла понять, вызвана её явная растерянность просто неожиданностью вопроса или же чем-то ещё. И вообще, стоит ли мне обсуждать такое с человеком, который, возможно, испытывает ко мне чувства? Правда, сейчас уже поздно переживать.

— Тогда мы перестали бы быть просто друзьями, мы бы держались за руки, целовались и, возможно, продолжили бы то, что началось вчера, верно?

—...Насчёт вчерашнего... я бы предпочла, чтобы ты забыла.

—Руки-то держать легко... А поцелуй и всё, что дальше... Ах...

Внезапно мне вспомнилось её спящее лицо, и я осознала. Сегодня утром мне захотелось прикоснуться к её губам, слегка приоткрытым, словно приглашающе, к её белой, тонкой шее, влажной от пота, к её растрёпанным волосам... Это было порывистое, неудержимое желание.

Даже если это не любовь, я хочу прикоснуться к Сиори-сан. Я не хочу чего-то непристойного, мне было бы достаточно просто обнять её. Меня, конечно, смущает та ситуация вчера, когда она прижала меня к кровати, но мне бы хотелось увидеть, как она смущается в моих объятиях.

— Пожалуй, если бы речь шла о тебе, Сиори-сан, мне бы больше хотелось быть той, кто прижимает, а не той, кого прижимают.

Эти слова сорвались с моих губ непроизвольно, и в ответ сбоку послышался тихий вздох: «Э?».

Чёрт, я проговорила вслух! Не подумает ли она, что я странная? Хотя, наверное, всё в порядке.

— Если судить по телосложению, то прижимать должна быть я, как думаешь?

—Как думаю? Э-это... М-мне в голову лезут неподобающие мысли, так что, пожалуй, давай на этом закончим... эту тему?

Она, должно быть, в полном смятении. Сиори-сан, покрасневшая до самых ушей и умоляющая прекратить, была до невозможности мила, и во мне тут же зашевелился маленький бесёнок.

Потому что она и правда очень милая. Вот этот человек с такой взрослой внешностью, с такой очевидной, почти легендарной чувственностью, краснеет и смущается от одних только моих слов. Ага, значит, неподобающие мысли всё-таки пришли ей в голову.

Это что же, тот самый «гап моэ»? Если бы я и правда её прижала, увидела бы я ещё более милое выражение её лица? Хотелось бы посмотреть.

(П. П.: Гап мое (гап моэ) условно и грубо можно перевести как "милота из-за разницы". Это такое состояние, когда зритель или читатель испытывает прилив милоты из-за разницы между привычным поведением и поступками персонажа и тем, что он показал сейчас.)

Подумав так, я спросила, можно ли мне её прижать, и, конечно же, получила отказ. Да ещё и с летящей в меня подушкой — полное и безоговорочное сопротивление. Жаль.

Впрочем, начавшаяся после этого битва подушками была сама по себе очень весёлой.

«Давай уже спать», — сказала Сиори-сан, поправляя волосы, слегка влажные от игры в подушки, и протянула мне мою подушку. Её движения были до странности притягательны, и на мгновение я застыла, заморожённая. А в груди у меня сладко сжалось.

Пока я пребывала в растерянности от этого незнакомого чувства, Сиори-сан уже забралась в свой постеленный на полу фuton и повернулась ко мне спиной. Но как же мне успокоить это новое ощущение внутри?

Было жаль тратить время на сон.

Мне хотелось болтать с Сиори-сан ещё больше, хотелось узнать о ней лучше. Я хотела видеть её лицо, прикоснуться к ней. Хотела... быть с ней вместе всё время.

Это ненасытное чувство, которое требует всё больше и больше. Как же назвать это состояние, когда всё внутри трепещет и волнуется?

Оно такое особенное, но с ним так же сложно справиться. Мне казалось, что произносить это вслух нельзя, поэтому я лишь крепче прижала его к груди, свернувшись калачиком под одеялом.

Вскоре мне предстоит поговорить и с Томода-семпай, и мне нужно об этом думать, но вот я тут размышляю только о Сиори-сан — не слишком ли я бессердечна?

Нет, я ни в коем случае не пренебрегаю чувствами семпай. И всё же, ощущая за спиной присутствие Сиори-сан, которое волновало меня куда сильнее, чем вчера, я в ту ночь долго не могла уснуть.

Спасибо за прочтение.

<http://bllate.org/book/16065/1436358>